

Observatoire ARGA

Отчёт по санкциям и комплаенсу за 2025 год

КЛЕПТОКРАТИЯ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРРУПЦИОННЫЕ СЕТИ ЕВРАЗИИ

**Глобальное Влияние, Маршруты Капитала, Политические
Риски и Механизмы Международного Давления**

Автор:

Сергей Храбрых — президент ARGA, PhD

Организация: Observatoire ARGA – подразделение по санкциям и комплаенсу

Адрес для корреспонденции: 14 rue Jacques Laffitte, Байонна, 64100

Контакты: info@argaobservatory.org

Париж, 17 ноября 2025

Оглавление

<i>Резюме.....</i>	<i>3</i>
<i>1. Методология.....</i>	<i>4</i>
<i>2. Введение: клептократия как международная система.....</i>	<i>5</i>
<i>3. Архитектура клептократических сетей</i>	<i>6</i>
<i>4. Ключевые маршруты коррупционного капитала</i>	<i>8</i>
<i>5. Механизмы клептократических операций.....</i>	<i>10</i>
<i>6. Case Studies</i>	<i>13</i>
Case 1 — Политико-экономический клан и вывод стратегических активов за рубеж.....	13
Case 2 — Коррупционный госзаказ и цифровое отмывание через криптовалюту.....	14
Case 3 — Давление на предпринимателя: уголовное преследование как способ захвата бизнеса	15
<i>7. Глобальные риски</i>	<i>15</i>
<i>8. Прогноз 2025–2027</i>	<i>17</i>
<i>9. Рекомендации ARGA Observatory.....</i>	<i>19</i>
Международным структурам	19
Государствам ЕС, США и стран Азии	19
Академическим и исследовательским центрам.....	20
<i>10. Заключение</i>	<i>20</i>
<i>Источники.....</i>	<i>21</i>

Резюме

Клептократические системы Евразии больше не являются национальными аномалиями — они эволюционировали в трансграничные политико-экономические структуры, сопоставимые по масштабу влияния с государствами, финансовыми рынками и международными механизмами управления рисками. В России, Казахстане, Азербайджане, Узбекистане, Кыргызстане, а также в части Беларуси и на Южном Кавказе сформировались режимы, где контроль над капиталом является формой государственной власти, а коррупция — не побочный эффект, а институциональный метод управления.

Эта модель основана на пяти фундаментальных элементах:

- экспроприация сырьевых и инфраструктурных ресурсов через приватизацию, квазигоскорпорации и силовые структуры;
- централизация судебного и прокурорского контроля для управления активами, в том числе через уголовные статьи экономического характера;
- вывод капитала в офшорные зоны и цифровые финансовые каналы, где капитал теряет национальную привязку;
- реинтеграция вывезенных средств в западные экономики через инвестиции, недвижимость, благотворительность и политическое лоббирование;
- использование международных институтов для давления на оппонентов, включая Interpol, экстрадиционные механизмы и зарубежные медиа-сети.

Таким образом, клептократия Евразии не просто удерживает власть внутри своих границ — она экспортирует свои нормы, захватывает зарубежные финансовые рынки, формирует зависимость третьих стран, инвестирует в политические процессы и создаёт модель нелиберальной глобализации, где капитал работает независимо от правового пространства и прозрачности.

Доклад ARGА Observatory:

- картографирует финансовые маршруты вывода капитала (Евразия → ОАЭ → ЕС → Великобритания → США → Сингапур → Гонконг),
- выявляет механизмы отмывания и реинтеграции ресурсов (офшоры → family offices → благотворительные фонды → политическое финансирование),
- демонстрирует связи между клептократией и частными силовыми структурами, медиа, криптосетями и цифровой логистикой,
- описывает ключевые узлы и инструменты глобального влияния,
- формирует стратегическую модель международного ответа: санкции, asset recovery, financial intelligence, ESG/Human Rights due diligence, контроль политических инвестиций.

Это исследование фиксирует: Евразия стала центром мирового клептократического капитала, а значит — ось будущих глобальных конфликтов, регуляторных реформ, санкционных механизмов и транснациональных расследований.

1. Методология

Исследование основано на многоуровневом анализе данных, включающем как открытые источники, так и конфиденциальные массивы, имеющие значение для картографирования коррупционных сетей и отслеживания трансграничного перемещения капитала.

В основу доклада легло изучение Panama Papers, Pandora Papers, Suisse Secrets, Dubai Leaks и связанных массивов корпоративной документации, что позволило реконструировать архитектуру офшорных структур, определить бенефициарные цепочки, схемы анонимизации собственности и методы реинтеграции капитала в западные и азиатские рынки. Анализ утечек дополнялся 90 кейсами крупных коррупционных расследований и уголовных дел 2009–2025 гг., связанных с государственными элитами Евразии, квазигосударственными бизнес-группами, финансовыми операторами, family offices и посредническими юрисдикциями.

Отдельный исследовательский слой составил комплексный правовой и экономический анализ корпоративных структур, трастов, SPV-компаний и фондовых образований в 34 юрисдикциях, включая BVI, Кипр, Люксембург, Сингапур, Гонконг, ОАЭ, Швейцарию, Великобританию, Делавэр и Карибский регион. Сегментация этих данных позволила сравнить методы укрытия собственности, степень регуляторной прозрачности, частоту применения nominee-схем, механизмы asset relocation, а также риск-индексы, связанные с бенефициарной непрозрачностью.

Для подтверждения финансовых маршрутов и каналов вывода средств использовались данные Financial Intelligence Units (FIU), FATF Mutual Evaluation Reports, FinCEN Files, отчётность EU Anti-Money Laundering Authority (AMLA), а также аналитика по AML/CTF-операциям. Это позволило установить роль банков второго уровня, частных wealth-структур, криптоинфраструктур и fintech-проводников в обслуживании коррупционного капитала.

Ключевую роль сыграла OSINT-аналитика, направленная на выявление скрытых компаний, сопоставление транзакционных следов, анализ корпоративных реестров, тендерных историй, контрактов и судебно-арбитражных процессов. Использовались методы graph-mapping, цифровой реконструкции связей, сравнение ownership-кластеров, изучение политико-экономических биографий участников.

Эмпирическая база дополнена материалами ARGIA Observatory, собранными в 2020–2025 гг., включая полевые интервью, экспертные верификации, аналитические кейс-портреты и выявленные модели трансграничного давления, asset-recovery и политико-коррупционных схем.

Таким образом, методология исследования представляет собой многоуровневую гибридную модель, соединяющую документальные утечки, судебно-корпоративный анализ, финансовую разведку и OSINT-криминологию, что обеспечивает высокую

достоверность выводов и полноту реконструкции транснациональных коррупционных сетей.

2. Введение: клептократия как международная система

Клептократия в Евразии перестала быть исключительно внутренним устройством авторитарных экономик — она трансформировалась в транснациональный политико-финансовый механизм, который оперирует через сеть посредников, офшорных юрисдикций, семейно-корпоративных фондов, криптоинфраструктур и государственных институтов. Если ранее коррупционные процессы были локализованы в национальных границах, то сегодня клептократия представляет собой устойчивую международную систему, способную перемещать капитал, влиять на политические процессы, интегрироваться в глобальные рынки и перенастраивать международные финансовые каналы под свои интересы.

В данной модели коррупция выступает не следствием слабости институтов, а функциональным инструментом управления, позволяющим элитам контролировать экономику, перераспределять ресурсы, удерживать власть и интегрироваться в мировое пространство через капитал и активы, находящиеся в безопасных юрисдикциях. Такая система не просто аккумулирует национальное богатство — она экспортирует его, превращая денежные потоки в политическое влияние, медийные кампании, международные лоббистские сети и контролируемые финансовые инструменты.

Трансграничность — ключевое свойство современной клептократии. Вывод капитала в Лондон, Дубай, Цюрих, Сингапур или Абу-Даби — это не побочный продукт, а структурная часть модели. Государственные ресурсы конвертируются в частные активы, затем проходят многоуровневую анонимизацию через трасты, SPV-компании, криптовалютные рынки и family offices, после чего возвращаются в политическую систему либо как инвестиции, либо как инструмент внешнего, часто скрытого влияния. Таким образом, клептократия функционирует как глобальная инфраструктура власти, работающая по принципам:

- перераспределение богатства → вывод капитала → международная защита активов,
- политический контроль → силовое сопровождение → экономический захват,
- финансовая легализация → инвестиционная реинтеграция → внешнее лоббирование.

В условиях глобализации коррупция перестала быть внутренним дефектом — она стала транслируемой и экспортируемой конструкцией, способной создавать финансовые альянсы, обходить санкции, формировать политические союзы и подрывать международные режимы прозрачности. Это и есть основа современной клептократической системы, которую данный доклад рассматривает не как аномалию, а как устойчивую форму политико-экономического порядка, встроенного в мировую экономику.

3. Архитектура клептократических сетей

Клептократия в Евразии не является хаотичной или спонтанной системой. Напротив, она функционирует как слоистая, самоорганизующаяся инфраструктура, где каждый уровень выполняет свою функцию — политическую, финансовую, логистическую, силовую или легитимирующую. ARGА Observatory выделяет семь взаимосвязанных структурных слоёв, которые формируют устойчивую модель владения, перемещения и защиты капитала.

3.1. Политико-силовые группы — ядро управления ресурсами

В фундаменте клептократической системы находятся:

- высшее правительство и президентская вертикаль,
- спецслужбы и МВД-структуры,
- руководство госкорпораций и финансовых институтов,
- региональные элитные кланы и группировки.

Этот слой контролирует доступ к природным ресурсам, госзакупкам, лицензированию, приватизации и судебным механизмам. Политико-силовая группа задаёт стратегию: кому принадлежит добыча, кто получает контракты, кто допускается к капиталу и кто лишается собственности.

3.2. Корпоративно-олигархические структуры — механизм извлечения ренты

Ключевую роль играют холдинги и финансово-промышленные группы, которые:

- получают монопольные госзаказы,
- владеют сырьевыми и инфраструктурными активами,
- распределяют денежные потоки между аффилированными актерами.

Олигополии становятся *экономическими руками государства*, обеспечивая формально рыночные, но фактически клановые механизмы перераспределения капитала. Через них проводится приватизация доходов и социализация рисков.

3.3. Офшорные сети — инфраструктура анонимизации и защиты активов

Трансграничные активы оформляются через:

- SPV-компании в ОАЭ, Люксембурге, Лихтенштейне, Сингапуре, Гонконге,
- трасты и family-offices,

— классические офшоры (BVI, Belize, Cayman).

Офшорный контур предоставляет юридический щит, скрывающий реальных бенефициаров, позволяющий выводить капитал из национальной юрисдикции и интегрировать его в мировые рынки без риска конфискации.

3.4. Финансовые посредники — операторы легализации капитала

Банки, крипто-ОТС площадки, консалтинговые и бухгалтерские фирмы обслуживают движение средств, предоставляя:

- расчёты и транзит через банки третьих стран,
- обналичивание и конвертацию через USDT/USDC,
- налоговое планирование, корпоративные схемы и регистрационные сервисы.

Именно этот слой превращает коррупционные доходы в инвестиционный капитал — пригодный для покупки недвижимости, медиа, фондов и влияния.

3.5. Медиа-и PR-структуры — инструмент легитимации и подавления

Контролируемые телеканалы, “джинсовые” СМИ и черные PR-агентства:

- устраняют репутационные риски элит,
- уничтожают оппозиционных фигур и свидетелей,
- формируют внешнеполитический имидж через западные PR-сети.

Медиа-слой — это механизм власти над восприятием, без которого экономическая коррумпированная модель не может существовать.

3.6. Цифровая инфраструктура — новая площадка вывода средств

В 2020-е годы значительная часть операций переместилась в цифровую плоскость:

- криптовалютные каналы (USDT-ОТС, миксеры, custodial-free-сети),
- финтех-обменники и псевдобанковская инфраструктура,
- транзакции P2P для обхода банковского контроля.

Цифровая архитектура делает клептократию устойчивой к санкциям, ускоряет операции и снижает видимость финансовых потоков.

3.7. Теневая силовая экономика — силовой контур клептократии

Частные военные компании, охранные холдинги и гибридные спецслужбы формируют силовой слой, который:

- обеспечивает физический контроль над активами,
- участвует в корпоративных войнах и захватах предприятий,
- подавляет оппозицию и защищает капитал за рубежом.

Этот сектор — конечная точка, где право заменяется силой, а экономика превращается в форму принуждения.

4. Ключевые маршруты коррупционного капитала

Транснациональные клептократические сети Евразии выстроены вокруг устойчивых географических коридоров вывода средств. Эти коридоры одновременно служат каналами:

- *финансовой эвакуации капитала,*
- *инвестиционной легализации,*
- *обхода санкций и налогового контроля,*
- *политического укрытия активов,*
- *диверсификации влияния элит за пределами национальных границ.*

ARGA Observatory выделяет пять стратегических направлений, представляющих собой полноценную карту движения коррупционного капитала.

4.1. ОАЭ — глобальный хаб Евразии и центр легализации капиталов

Объединённые Арабские Эмираты стали ключевой точкой входа для доходов, извлечённых из сырьевых, инфраструктурных и госбюджетных источников в странах Евразии. Здесь формируется первый контур легитимации капитала, позволяющий преобразовать коррупционные средства в инвестиционные.

Структура потоков включает:

- регистрацию SPV и холдинговых компаний с номинальными владельцами;
- покупку элитной недвижимости в Дубае и Абу-Даби как инструмент «парковки» активов;
- криптовалютные OTC-каналы (USDT/USDC) как способ конвертации серых средств;
- оформление семейных фондов и трастов, скрывающих бенефициаров;
- корпоративные реструктуризации для последующего выхода в ЕС, США, Сингапур.

ОАЭ — это “первая мойка капитала”, где деньги очищаются от происхождения и приобретают статус международного актива.

4.2. Турция — Кавказ — Центральная Азия: коридор теневой торговли и параллельного импорта

Это маршрут, где коррупция интегрируется во внешнеторговую и таможенную инфраструктуру.

География коридора работает по принципу: *вывод → переупаковка → экспортный ребрендинг → обратный ввод капитала*.

Ключевые элементы:

- фиктивные ВЭД-операции с завышением или занижением стоимости товаров;
- контракты на поставки оборудования и сырья, где взятка включена в цену;
- посреднические компании в Турции, Грузии, Казахстане, Кыргызстане;
- схемы параллельного импорта как источник официально легального заработка;
- возврат капитала под видом экспортной выручки или инвестиций.

Этот маршрут наиболее устойчив потому, что смешивает легальный и нелегальный оборот, создавая серую экономическую зону без видимых разрывов.

4.3. ЕС (Кипр, Балканы, Северная Европа) — окно интеграции в мировую экономику

Европейский контур — это зона финансового обеления капитала, где криминально-политические доходы становятся инвестиционными ресурсами.

Ключевые механизмы:

- банковские структуры Кипра, Мальты, Черногории и Люксембурга;
- создание инвестиционных фондов с многоуровневой цепочкой владельцев;
- покупка европейских компаний и недвижимости через SPV;
- использование частных банков Северной Европы для транзита средств;
- оформление гражданства/ВНЖ в обмен на вложения.

ЕС не является первичным хабом вывода — он является конечной точкой легитимации, после которой капитал уходит в частные фонды, рынок акций и глобальные активы.

4.4. Китай — Гонконг — Сингапур: Азия как финансово-логистическая база

Азиатский контур функционирует как центр корпоративных структур и высокорисковых сделок. Этот маршрут особенно востребован для схем, связанных с технологиями, электроникой, оборудованием, криптовалютным рынком и логистикой.

Составляющие маршрута:

- регистрация трастов и корпораций в Сингапуре и Гонконге;
- экспортно-импортные операции с многократным перевыставлением контрактов;
- офшорное хранение активов в азиатских family-offices;
- сделки с редкоземельными металлами, чипами, оборудованием;
- финансирование через криптовалютные и финтех-решения.

Азиатская сеть является наиболее технологичной — она масштабирует капитал, а не только скрывает его.

4.5. Латинская Америка — сырьевой шлюз и юрисдикционная защита

Латинская Америка представляет собой менее заметный, но растущий маршрут вывода средств, особенно для коррупционных доходов, связанных с сырьём.

Особенности региона:

- регистрация номинальных компаний в Панаме, Уругвае, Чили;
- вывод средств через сырьевой экспорт (зерно, нефть, металлы);
- интеграция в банковские структуры Аргентины и Бразилии;
- использование гражданства Карибских государств для защиты активов;
- инвестиции в аграрный сектор и добывающую промышленность.

В отличие от ОАЭ или ЕС, Латинская Америка — это маршрут глубокого укрытия, ориентированный на длительное хранение, а не быстрый оборот капитала.

5. Механизмы клептократических операций

Транснациональная клептократия функционирует не хаотично, а через стандартизированные механизмы, которые повторяются из страны в страну и формируют *единый операционный код*.

ARGA Observatory фиксирует пять базовых инструментов — от первоначального извлечения государственных ресурсов до трансграничного давления и легализации капитала.

5.1. Коррупционные госзакупки: первичный контур извлечения капитала

Коррупционные госзакупки — ядро клептократической модели. Через них капитал сначала *создаётся*, прежде чем его выводят за рубеж.

Механика:

- искусственное завышение стоимости контрактов на инфраструктурные, военные и энергетические проекты;
- проведение тендеров под «своих» поставщиков через допуск–отвод конкурентов;
- распределение откатов между чиновниками, кланами, силовыми структурами;
- заключение договоров на обслуживание, охрану и логистику через аффилированные фирмы;
- «избыточные контракты» — закупка ненужного оборудования ради освоения средств.

Это классическая точка накопления капитала, после которой активы переходят в тень и начинают движение по офшорной траектории.

5.2. Отмывание средств: трансформация капитала в международный актив

После первичного присвоения средства проходят процедуру легализации («whitewashing»), позволяющую встраивать добытые ресурсы в легальную мировую экономику.

Используемые схемы:

- layering через офшоры — многослойные SPV, трасты, номинальные директора;
- криптовалютная маскировка — USDT/USDC-цепочки, OTC-дески, mixers, P2P;
- банковские транзиты — SWIFT → off-shore → EU private banking;
- вывод средств под видом экспортно-импортных контрактов;
- использование юридических фирм и бухгалтерских консультантов для «декорации происхождения».

Финальный этап — конвертация серого капитала в законный международный актив (real estate, фонды, технологические компании).

5.3. *Захват активов: силовая приватизация и перераспределение собственности*

Клептократия не только выводит деньги наружу — она также рекурсивно захватывает новые активы внутри страны, расширяя ресурсную базу.

Механизмы:

- возбуждение уголовных дел против предпринимателей — обычно экономических, чтобы создать видимость законности;
- корпоративные войны, инициируемые силовыми структурами или кланами;
- национализация активов под видом борьбы с коррупцией или «возврата украденного»;
- конфискация имущества до суда через заочные аресты и блокировки;
- принуждение к продаже компаний «по дисконтированной цене».

Силовое перераспределение собственности — это второй цикл капитализации, позволяющий системе постоянно обновляться.

5.4. *Медиа-давление: разрушение репутации как инструмент принуждения*

Информационные операции — критически важная часть коррупционной экосистемы.

Цель — *легитимировать незаконные действия государства* в глазах общества и международных институтов.

Методы:

- фабрикация расследований и утечек в аффилированные СМИ;
- дискредитация предпринимателей, юристов, whistleblowers;
- атакующие медиа-кампании перед арестом или экстрадицией;
- создание публичной истории, оправдывающей силовое изъятие активов.

Информационное давление почти всегда идёт параллельно с уголовными делами, создавая эффект «вины по умолчанию».

5.5. *Трансграничные спецоперации: клептократия выходит за пределы границ*

Когда собственник, чиновник или свидетель покидает страну, коррумпированные власти переходят в международный контур давления.

Инструменты:

- Interpol-abuse — запросы по ст. 159/199/210 или аналогам для создания видимости преступления;
- экстрадиционные запросы с фабрикацией доказательств;
- давление через семьи в стране происхождения: угрозы детям, супругам, родителям;
- международные поручения о заморозке активов в ЕС, ОАЭ, Гонконге;
- подключение частных силовых структур и криминальных групп для физического преследования.

Эти операции превращают клептократию в транснационального актора, способного действовать далеко за пределами своей юрисдикции.

6. Case Studies

Case 1 — Политико-экономический клан и вывод стратегических активов за рубеж

В 2018–2024 гг. ARGIA Observatory зафиксировала кейс, в котором региональный политико-силовой клан контролировал крупную нефтехимическую госкомпанию.

Схема работала в несколько циклов:

1. Контроль над ресурсной рентой

Клан через назначенных директоров распределял экспортные контракты между аффилированными компаниями. Цена сырья искусственно занижалась, а маржа переносилась в аутсорсинговые структуры.

2. Вывод капитала через офшорную матрицу

Созданный траст в Сингапуре принимал платежи через две BVI-компании, затем активы конвертировались в фонд недвижимости в Дубае и частные долговые инструменты в Люксембурге.

3. Защита активов в трёх юрисдикциях

Для страховки использовались три уровня защиты:

— трастовое управление капиталом,

— инвестиции в фонд высокой сложности для обнаружения,

— бенефициар скрыт через номинальных держателей паспортов Карибского региона.

4. Политическое прикрытие и международный лоббизм

Через медиа-группу и юридический консалтинг создавалась публичная версия о «частных инвестициях», чтобы предотвратить расследования и блокировки.

Этот кейс стал примером клептократии с международным иммунитетом, где трансграничные юрисдикции использовались как инструмент защиты украденного капитала, а не как пространство рынка.

Case 2 — Коррупционный госзаказ и цифровое отмывание через криптовалюту

Второй кейс связан с государственным проектом на сумму свыше \$200 млн, где поставка IT-оборудования осуществлялась по цене втрое выше рыночной.

Схема выглядела так:

1. Многоуровневый тендер

Формально участвовали четыре компании, фактически все были зарегистрированы на родственников и доверенных лиц.

Контракт выиграла структура, созданная за три месяца до конкурса.

2. Офшорный центр управления

За основной фирмой стояла сеть SPV на BVI и Кипре. Комиссионные переводились в Дубай, где активы распределялись через OTC-криптосделки.

3. Цифровое отмывание

Часть средств прошла через USDT-кошельки (OTC > mixing > P2P), после чего была легализована как «инвестиции в технологические стартапы» и вложена в недвижимость.

4. Минимизация риска и следов

Документы оформлялись через «консалтинговые услуги» и «техническую интеграцию», что позволяло объяснять стоимость контракта.

Особенность кейса — интеграция классической коррупции с криптовалютным выводом, делающая расследование почти невозможным без международного доступа FIU.

Case 3 — Давление на предпринимателя: уголовное преследование как способ захвата бизнеса

Третий кейс демонстрирует более агрессивный сценарий: когда предприниматель отказался передать долю в сырьевом активе, против него было возбуждено дело по экономической статье.

1. Уголовное преследование

Дело инициировано силовым блоком, заочный арест — через три недели.

Компания прошла обыск, документация изъята, счета заморожены.

2. Заморозка активов

Через госорган был назначен внешний управляющий, который быстро передал операционный контроль аффилированной группе.

3. Информационная кампания

В СМИ появились публикации о «финансовых нарушениях», хотя следствие не представило доказательств. Социальные сети использовались для дискредитации семьи предпринимателя.

4. Международный розыск и давление на родственников

После выезда в Европу был инициирован Interpol-Notice, позднее отозван как politically-motivated. В стране происхождения под давлением оказалось имущество супруги, а детям ограничили выезд.

Этот кейс иллюстрирует, как клептократия превращает право в оружие для силового завладения активами, а Interpol-абьюз используется как инструмент трансграничного контроля.

7. Глобальные риски

1. Угроза международной финансовой системе

Транснациональные коррупционные сети формируют параллельную инфраструктуру движения капитала — вне банковского контроля, без финансовой отчётности и без юрисдикционных ограничений. Офшоры, трасты, крипто-ОТС-площадки, «серые» банки и юридические фирмы создают среду, где капитал выходит из-под нормативного поля, превращаясь в неконтролируемый финансовый поток, который можно направить:

- в политические операции,
- в нелегальные сделки,
- в теневые инвестиции в ЕС,
- в финансирование конфликтов и силовых структур.

Это угрожает стабильности международных рынков, усиливает волатильность валют и снижает эффективность AML/CFT режимов.

2. Политическое влияние за рубежом

Клептократические капиталы редко покидают страну пассивно — чаще они возвращаются в виде политического инструмента воздействия. Инвестиции в медиа, партийные структуры, политических консультантов, культурные фонды и инфраструктуру позволяют:

- влиять на повестку выборов и решений парламентов,
- формировать лояльные сети в политическом и деловом истеблишменте,
- блокировать расследования и судебные преследования,
- получать защиту активов через дипломатические каналы.

Таким образом, экспорт капитала становится экспортом политического влияния.

3. Давление на мигрантов и беженцев

Клептократические режимы используют международно-правовые механизмы не для правосудия, а для доставки преследуемых элит за границы.

Основные инструменты:

- Interpol-abuse (Red Notice, Diffusion),
- политизированные экстрадиции,
- давление на семьи внутри страны,
- заморозка имущества супругов и детей,
- трансграничные медиа-атаки.

Десятки кейсов подтверждают: после бегства из страны фигурантов продолжают преследовать, пытаясь вернуть капитал и сломить политическую независимость.

4. Угроза правам человека и верховенству права

Клептократия превращает правовую систему в коммерческое оружие.

Когда уголовное дело — инструмент рейдерства, а суд — механизм перераспределения активов, происходит:

- эрозия института правосудия,
- криминализация государственного управления,
- поглощение правозащитных механизмов силовыми группами,
- размывание международных стандартов справедливого суда.

Это создаёт эффект «нормализации коррупции», при котором нарушение прав человека становится частью бизнес-модели.

5. Инфильтрация в «серые» отрасли ЕС и Ближнего Востока

Клептократический капитал не просто выводится — он реинвестируется. Основные зоны проникновения:

- недвижимость ОАЭ и Турции,
- энергетика и сырьевые цепочки,
- оборот металлов, нефти, удобрений, IT-оборудования,
- логистика параллельного импорта,
- финтех через P2P-кластеры и криптовалюты.

Так формируется теневая экономика внутри легальных рынков, где преступный капитал работает с той же эффективностью, что и институциональные инвестиции.

8. Прогноз 2025–2027

1. Рост санкций против коррупционных сетей

В ближайшие годы можно ожидать расширения точечных санкций ЕС, США, Великобритании и ряда азиатских юрисдикций, направленных не только против отдельных чиновников и олигархов, но и против целых инфраструктур: юридических фирм, управляющих компаний, трастов, крипто-ОТС брокеров, «серых» семейных офисов, работающих с капиталом из Евразии. Санкционная политика будет постепенно отходить от логики «списков персоналий» к логике сетевых санкций, когда под удар попадают связки «бенефициар — посредник — транспортёр капитала — офшорный оператор». Это усилит давление на устойчивость kleptocratic mechanisms, но одновременно создаст новые стимулы для ещё более глубокой анонимизации активов.

2. Создание глобального Kleptocracy Index

На фоне роста политической чувствительности к коррупции и отмыванию средств логичным шагом станет формирование международного индекса kleptocracy (Kleptocracy Index), сопоставимого по масштабу с Corruption Perceptions Index, Basel AML Index или санкционными списками. Такой индекс будет учитывать не только уровень бытовой коррупции, но и:

- степень захвата государства кланами,
- роль спецслужб в управлении экономикой,
- практику рейдерства и политически мотивированных конфискации,
- объёмы вывода капитала и участие в «серых» схемах.

Появление подобного индекса сделает kleptocratic risk формализуемым: банки, фонды и регуляторы смогут ссылаться на него при принятии решений, а юрисдикции с высоким рейтингом риска окажутся под постоянным мониторингом.

3. Давление на международные банки и усиление AML-стандартов

Международные банки, уже работающие в режиме жёсткого санкционного и AML-контроля, столкнутся с ещё большим давлением со стороны регуляторов:

- требования по проверке источника благосостояния (SoW) и источника средств (SoF) для клиентов из Евразии будут ужесточаться;
- высокорисковые юрисдикции окажутся под режимами enhanced due diligence по умолчанию;
- банки начнут отказываться от сложных офшорных структур и PEP-сетей, где присутствует след российских, казахстанских, азербайджанских и других евразийских элит.

Это приведёт к росту практики de-risking — полного отказа от работы с целыми сегментами клиентов, что, в свою очередь, будет стимулировать миграцию капитала в менее регулируемые регионы и усилит роль криптовалютных и финтех-каналов.

4. Рост корпоративных войн внутри элит Евразии

Усиление внешнего давления, санкций и международного контроля неизбежно ускорит внутренние конфликты внутри элит. Конкуренция за сокращающийся объём безопасных активов, доступ к «чистым» каналам вывода капитала и остатки ресурсной ренты приведёт к:

- увеличению числа уголовных дел, маскирующих перераспределение собственности;
- росту политизированных процессов под лозунгами «борьбы с коррупцией» и «возврата активов народу»;
- активизации силовых структур, выполняющих функцию арбитров в корпоративных войнах.

На транснациональном уровне это выразится в увеличении количества Interpol-запросов, экстрадиционных попыток, международных арбитражей и жалоб в правозащитные механизмы.

5. Перенос капитала в Африку и Латинскую Америку

По мере ужесточения контроля в ЕС, Великобритании, США, ОАЭ, Турции и ряде азиатских центров, клептократический капитал будет искать новые «тихие гавани». Наиболее вероятные направления — африканские и латиноамериканские государства, которые:

- нуждаются в инвестициях и готовы предоставлять льготные режимы,
- не имеют развитых механизмов санкционного и AML-контроля,
- могут выступать как промежуточные звенья в глобальных схемах.

Будет расширяться практика регистрации компаний, фондов, проектов в странах с низкой прозрачностью, но растущей политической значимостью. Это создаст новые фронтиры для коррупционных сетей и перенесёт часть рисков из Евразии в другие регионы, усложняя глобальную карту финансовой безопасности.

9. Рекомендации ARGA Observatory

Международным структурам

1. Усилить мониторинг клептократии как транснационального явления

Необходимо перейти от национальных индикаторов коррупции к **сетевому анализу**: отслеживанию офшорных структур, схем вывода средств, крипто-каналов, трастовых цепочек и сделок с активами госкомпаний Евразии. Международные институты должны развивать инструменты анализа, сопоставимые по глубине с AML-инфраструктурой банков.

2. Создать публичные реестры бенефициаров и конечных владельцев активов

Прозрачность собственности должна стать международным стандартом. Доступные реестры (beneficial ownership registries) должны включать: фонды, трасты, офшорные SPV, а также крипто-брокеров и family offices. Непрозрачные структуры — автоматически классифицировать как high-risk.

3. Интегрировать коррупционные риски в санкционные и правоприменительные механизмы

Санкции должны касаться не только физических лиц, но и сетей посредников, юридических фирм, трастовых администраторов, крипто-ОТС брокеров, структур, управляющих активами чиновников и их семей. Международные организации должны разработать Kleptocracy Risk Index и включать его в санкционные режимы.

Государствам ЕС, США и стран Азии

1. Ужесточить AML/CFT надзор и механизм оценки источника капитала

Ужесточить Source of Wealth (SoW) и Source of Funds (SoF) процедуры по клиентам из России, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана и Узбекистана. Особенно — к офшорным структурам, компаниям с номинальным управлением, крипто-операторам и посредникам третьих стран.

2. Фокусировать расследования на трансграничных маршрутах отмыwania капитала

Необходим переход от расследований отдельных уголовных эпизодов к анализу **цепочек**: «национальная компания → офшор → крипто → недвижимость → трастовый фонд». Приоритет — схемы, где задействованы государственные операторы, а также публичные и политически значимые лица.

3. Пресекать Interpol Abuse и криминализацию политико-экономических споров

Запрашивающие государства должны проходить усиленный due diligence. Interpol и национальные суды должны учитывать риск:

- рейдерских захватов,
- экономически мотивированного преследования,
- давления на предпринимателей и их семьи.

Вводить механизм автоматической проверки запросов на предмет связи с корпоративными войнами или политическим конфликтом.

Академическим и исследовательским центрам

1. Развивать системные исследования клептократических сетей

Тема должна выйти за рамки политической коррупции. Необходимо изучать госкапитализм, захват правоохранительных институтов, транснациональные финансовые потоки, роль криптовалют и корпоративных юристов.

2. Формировать международные базы данных коррупционных структур и посредников

База должна включать маршруты капитала, юрисдикции, компании-оболочки, трастовые структуры, криптовалютные хабы, фамилии консультантов и адвокатов, участвующих в обслуживании коррупционного капитала. Это станет инструментом для банков, регуляторов и журналистов.

3. Развивать междисциплинарные исследования (право + финансы + OSINT + криминология)

Клептократия больше не область только политологии. Эффективный анализ возможен только на стыке правовой аналитики, криминологии, корпоративной разведки, блокчейн-аналитики и международных финансов.

10. Заключение

Клептократия — это не локальный дефект государственного управления, а устойчивая транснациональная модель власти. Она формирует собственные финансовые маршруты, механизмы силового контроля, медиасреду, сети юридической защиты и экономические каналы влияния, которые выходят далеко за пределы стран происхождения капитала. В Евразии эта модель стала инфраструктурой параллельной экономики, интегрированной в мировые рынки через офшоры, криптовалютные каналы, трастовые структуры и международные банковские узлы.

Клептократические сети воздействуют на политику, бизнес, судебные системы, международные организации и механизмы безопасности. Они влияют на выборы, перераспределяют стратегические активы, обеспечивают транснациональное давление

на беженцев и предпринимателей, участвуют в корпоративных войнах и экспортируют коррупционные практики в третьи страны. Внутри этой системы коррупция перестаёт быть преступлением — она становится инструментом внешней политики, экономическим ресурсом, способом контроля элит.

Доклад ARGA Observatory формирует аналитическую основу для понимания этого процесса и поднимает задачу, которую мировая правовая система ранее не решала: противодействие клептократии как трансграничной сети, а не совокупности отдельных правонарушений. Мы показываем архитектуру коррупционного капитала, маршруты его перемещения, механизмы легализации, роли посредников и влияние на международный порядок.

Следующий этап глобальной политики должен состоять не из точечных санкций и медленных расследований, а из построения интегрированной системы противодействия, включающей:

- публичные реестры бенефициаров и трастов,
- глобальный Kleptocracy Index,
- скоординированный санкционный механизм,
- международный контроль крипто-операций и офшорных потоков,
- судебную защиту свидетелей и жертв политико-экономического давления.

Клептократия может существовать только в условиях непрозрачности, разорванности юрисдикций и пассивности институтов. Как только появляется глобальный мониторинг, единая система санкционной и AML-оценки, механизм раскрытия собственности — способность клептократических сетей к воспроизводству снижается.

Борьба с транснациональной коррупцией — это не только защита финансовой стабильности, но и вопрос международной безопасности, прав человека и будущего мирового правопорядка. И именно сейчас — момент, когда мировая система может перейти от реакции к управлению.

Источники

1. ICIJ, The Panama Papers, Giant Leak of Offshore Financial Records Exposes Global Army of Crime and Corruption, April 3, 2016, <https://www.icij.org/investigations/panama-papers/20160403-panama-papers-global-overview/>.
2. ICIJ, Pandora Papers, Offshore havens and hidden riches of world leaders and billionaires exposed in unprecedented leak, October 3, 2021, <https://www.icij.org/investigations/pandora-papers/global-investigation-tax-havens-offshore/>.
3. ICIJ, Offshore leaks database, <https://offshoreleaks.icij.org/>.
4. ICIJ, Caspian Cabals, Sydney P. Freedberg, Agustin Armendariz, Tanya Kozyreva, Matei Rosca and Marcos Garcia Rey, Oil giants ignored red flags, enriched

- elite for Kazakhstan pipe dream, November 22, 2024, <https://www.icij.org/investigations/caspian-cabals/timur-kulibayev-nazarbayev-kazakhstan-oil-riches/>.
5. OCCRP, Suisse Secrets, February 20, 2022, <https://www.occrp.org/en/project/suisse-secrets>.
 6. Miriam Lansky, Dylan Myles-Primakoff, Rise of Kleptocracy : Power and Plunder in Putin's Russia, Journal of Democracy, January 2018, <https://www.journalofdemocracy.org/articles/the-rise-of-kleptocracy-power-and-plunder-in-putins-russia/>.
 7. Sarah Chayes, Guernica, Global Kleptocracy, July 15, 2015, <https://carnegieendowment.org/posts/2015/07/global-kleptocracy?lang=en>.
 8. Forbes, Ollie A Williams, How \$220 Billion of Dirty Money is Laundered Through Europe, July 24, 2019, <https://www.forbes.com/sites/oliverwilliams1/2019/07/24/how-220-billion-of-dirty-money-is-laundered-through-europe/>.
 9. Foreign Affairs, Philip Zelikow, Eric Edelman, Kristofer Harrison, and Celeste Ward Gventer, The Rise of Strategic Corruption, June 9, 2020, <https://www.foreignaffairs.com/united-states/rise-strategic-corruption-weaponize-graft-trump>.
 10. OCCRP, How Dirty Money Finds a Home in Dubai Real Estate, May 14, 2024, <https://www.occrp.org/interactives/dubai-unlocked/en/>.
 11. RUSI, Sarah Lain and Veerle Nouwens, Illicit Financial Flows and Corruption in Asia, November 24, 2017, <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/occasional-papers/illicit-financial-flows-and-corruption-asia>.